

5.1. О ФИЛОСОФСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ЛИХАЧЕВА

Научное наследие академика Лихачева в своей основе, безусловно, имеет определенную **философскую составляющую**, хотя личные взаимоотношения ученого с философским «цехом» научного знания были непростыми.

По всей видимости, сам Д. С. Лихачев не причислял себя к философам. В связи с этим особый интерес представляет мнение академика А. А. Гусейнова: «Лихачев, кажется, не очень любил философию, и я не знаю, насколько хорошо он ее знал. Однажды он даже предложил исключить философию из числа экзаменов кандидатского минимума в аспирантуре, чем огорчил своих коллег-гуманитариев из философского цеха. Каким бы, однако, ни было отношение к философии, его рассуждения о культуре в действительности имеют философскую природу»¹.

С другой стороны, в предисловии к моей статье «О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева» редакция журнала «Вопросы философии» пишет об ученом: «В сферу его интеллектуальных интересов естественно входила и философия. И хотя она не была непосредственно в центре его профессиональной научной работы, сама эта работа, ее уровень, с необходимостью предполагали философскую компетентность. Его идеи “концептосферы национального языка” и направленности развития культуры имеют явные философские коннотации. И когда изменения, произошедшие в нашей стране, представили ему такую возможность, Дмитрий Сергеевич начал публиковать работы, прямо затрагивающие и философскую тематику. Уже в 1969 году появилась его первая публикация в “Вопросах философии” (беседа “Древнерусская культура и современность”). В 1990 году в нашем журнале была опубликована важная статья Дмитрия Сергеевича “О национальном характере русских”. В 1996 году вышли в свет его “Очерки по философии художественного творчества”. В 1994 году Дмитрий Сергеевич Лихачев вошел в редколлегию нашего журнала. Его работа в этом качестве, его научный и общественный авторитет оказали заметное влияние на становление нынешних традиций нашего издания»².

Здесь стоит напомнить следующее. **В традиции отечественной философии, начиная с очень давних, допетровских, времен собственно академическая философия замещалась чем-то иным.** До XVIII века философия в России прячется внутри религиозной тематики, включая споры иосифлян и нестяжателей, сторонников реформы патриарха Никона и старообрядцев и т. д.

Появившаяся в послепетровскую эпоху академическая философия развивалась в России в трудных условиях. Как писал впоследствии Г. Г. Шпет: «Профессора философии подвергались самой глупой цензуре, и их жалкое преподавание должно было протекать в атмосфере доносов, преследований и нелепых указаний на истинное направление, которого они должны держаться»³. А в начале XIX века министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов вообще ее запретил — так, ему приписывают следующие слова: «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен»⁴. В результате лучшие наши философы того времени, начиная с западников и славянофилов, — литераторы или литературные критики. Отчасти эта традиция была продолжена в России и XX веке, и философия «была допущена» преимущественно на страницы толстых литературных журналов. В одном из словарей первых лет советской власти писалось, что «марксизм окончательно вытеснил философию из общественной жизни»⁵.

¹ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева / СПбГУП. СПб., 2006. С. 25.

² Вопросы философии. 2006. № 12. С. 95.

³ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 42–43.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Настольный энциклопедический словарь-справочник. М.: Прометей, 1926.

Д. С. Лихачев — прямой продолжатель неакадемической традиции русских философов, в том числе и постольку, поскольку по департаменту философии в Академию наук СССР (не рассматривая современность) избирались не А. Ф. Лосев или М. М. Бахтин, отлученные в свое время от академической философии, а в основном не очень интересные персонажи, работы которых теперь мало кто помнит.

Говорить о философских взглядах академика Лихачева как минимум непросто, потому что в его текстах нет прямого их изложения. Если же пытаться вырвать его философские рассуждения из окружающего их контекста, то можно получить достаточно странные результаты.

Так, академик в одной из наших дискуссий утверждает: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения»⁶.

У философа-профессионала сразу возникает желание пойти в «лобовую атаку» на этот текст. В самом деле, оптимизм и пессимизм характеризуют определенное видение мира человеком, а материализм и идеализм — это про другое, про вопрос — что первично. А поскольку дважды два — четыре, то и комбинаций вышеуказанных категорий тоже четыре.

Например, философия Шопенгауэра — пессимистический идеализм, а у Маркса — материализм, но вполне оптимистически звучащий в социальном смысле (для его единомышленников, разумеется): «Грядет час капиталистической эксплуатации. Экспроприаторов экспроприируют!» Если спросить сегодня историка: «Скажите, музыка революции оптимистична по своему звучанию?», то, скорее всего, последует встречный вопрос: «Для кого?»

Известен случай, как один доцент кафедры истории КПСС заказал в Ленинградской библиотеке АН СССР статью по первым словам названия — «Ряды исчезающих классов...». Он был сильно удивлен, когда выяснилось, что это работа по высшей алгебре. А он-то думал — про буржуазию...

С другой стороны, когда Д. С. Лихачев указывает, что литературные произведения разбирались с точки зрения первичности материи, вспоминается идеологизированная вульгарная литературно-художественная критика 1930–1950-х годов. Скорее всего, именно такое вмешательство философии в дела литературы обусловило не вполне благоприятное отношение Дмитрия Сергеевича к философии как академической дисциплине.

Академик утверждает в процитированном выше выступлении, что «материя — низменное начало». «Низменное» оно в сравнении, разумеется, с духом, с духовностью, но перед нами — вовсе не ответ на вопрос «что первично». Если с материей связывать природное начало, а с духовностью — культуру, то перед нами одна из двух возможных природно-культурных парадигм. Та, согласно которой культура улучшает природу, в том числе и природу человека; приобщиться к культуре в этом случае как раз и означает возвыситься духовно, а не материально. Представителями второй природно-культурной парадигмы были Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд и, в известной степени, Л. Н. Толстой. По их представлениям, культура в той или иной мере испортила человека, исказив его естественные наклонности, надстроив над его природными свойствами целый ряд искусственных ценностей.

Что сказал бы по этому поводу академик? — «Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию»⁷. То есть он не готов увидеть в человеческих трудностях и

⁶ Д. С. Лихачев — Университетские встречи: 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 69–70.

⁷ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 197.

проблемах вину собственно культуры. Подобная позиция расценивалась целым рядом представителей русской философской мысли, в частности Н. А. Бердяевым, не говоря уже о философах 1860–1870-х годов, как культуropоклонство.

Интересно, что в своих работах — в частности таких, как «Русская культура Нового времени и Древняя Русь» и «Русская культура в современном мире», — Дмитрий Сергеевич демонстрирует значительный интерес к трудам многих известных русских философов от Чаадаева до Бердяева включительно, вступая подчас с ними в скрытую, а иногда и явную полемику.

Таким образом, обратившись всего к одному фрагменту выступления Д. С. Лихачева, можно убедиться, что его философские воззрения требуют весьма основательного исследования.

Но есть и другие, не менее интересные для философов фрагменты лихачевского наследия. В комментариях к «Избранным трудам» ученого академик А. А. Гусейнов показывает, насколько современна и актуальна содержащаяся в них проблематика, и далее пишет о Д. С. Лихачеве: «Он даже поставил вопрос о правах культуры (выражение, которое, как я понимаю, имеет фигуральный смысл)»⁸. Это замечание виднейшего современного философа России весьма интересно и вызывает желание поспорить.

Действительно ли, создавая «Декларацию прав культуры», академик Лихачев свел название столь важного для него документа к риторической фигуре, к метафоре? С этим можно было бы согласиться, если бы не заглавия таких известных работ ученого, как «Заметки о русском»⁹, «Письма о добром»¹⁰.

Сам смысл данных названий при беглом прочтении не совсем ясен. Почему не о «русском народе» или о «добром человеке»? — Думается, потому, что «добрый», «русский», «права культуры» — это для Д. С. Лихачева **универсалии**. Ученый возвращает нас здесь к центральной для средневековой европейской философии проблеме универсалий. Казалось бы, вместо «возвращает» можно было бы написать «реанимирует», но интенция, звучащая в этом глаголе, не годится по сути дела. Проблема универсалий и не умирала, более того, как существенный элемент философской культуры она дает о себе знать в разных областях науки.

Известно, что сами основные аспекты существования универсалий сформулированы Проклом в «Первоосновах теологии»¹¹ — **до вещи, наряду с вещью и после вещи** (в латинских переводах соответственно **existentia ante rem, existentia in re, existentia post rem**). Напомним, что в отношении универсалий возможны три варианта философской методологии, соответствующие **реализму, концептуализму и номинализму**. Реализм принимал все три альтернативы, номинализм их все отбрасывал, а концептуализм отвергал лишь вариант существования универсалий до вещи.

Если при этом переместить акценты к теме сущности, то существование сущности (*ante rem*) — это платонизм, наличие сущности наряду с вещью (*in re*) требует постановки дополнительного вопроса: идет ли речь о сущности в родовом смысле или о сущности индивида. Если первое, то перед нами вариант средневекового учения о субстанциональной форме, если второе — это раскритикованный К. Поппером индивидуальный эссенциализм. Крайне расширительно истолкованная позиция К. Поппера привела многих специалистов в философии науки к попытке изгнания универсалий из научной методологии. Так, в формулировке научного *credo* одной уважаемой ученой дамы говорится, что ею «подвергаются критике концепции, так или иначе допускающие самостоятельное существование абстрактных сущностей, показывается, что данное допущение

⁸ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева. С. 27.

⁹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984.

¹⁰ Лихачев Д. С. Письма о добром. Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996.

¹¹ Трактат Прокла «Первоосновы теологии» // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 594–595.

есть путь к тому, чтобы населить универсум философских рассуждений магическими объектами и отношениями»¹².

Если здесь идет речь о самостоятельном существовании в значении *ante rem*, то вопросов не возникает. Но отвержение второй альтернативы — существование сущности *in re* создает трудно разрешимые проблемы в сфере гуманитарных наук, имеющих дело с развитой понятийной сферой.

Проще всего это заметно в таких областях, как мораль и право. Допустим, можно трактовать название «комиссия по охране прав детства и материнства» в номиналистическом духе: «детство» есть множество детей, а «материнство», соответственно, множество матерей. Но юристы вряд ли согласятся с такой трактовкой. Права детства не заканчиваются детьми, включая сложный комплекс правоотношений в сфере семьи, школы и других институтов. Материнство не есть совокупность матерей, поскольку оно включает также проблемы женщин, которые только готовятся к рождению ребенка и многое другое.

Антиноминалистическая позиция присутствует весьма четко в тексте созданной под руководством академика Д. С. Лихачева «Декларации прав культуры»: «Культура не ограничивается памятниками культуры и истории... Театр — это не только отдельные постановки, хотя бы и взятые в целом. Искусство — это не совокупность памятников культуры, как и история — не совокупность документов о прошлом. Ювелирные изделия не составляют собой ювелирное искусство. Произведениями живописи не ограничивается живопись»¹³.

Нам следует понять причины, подвигшие глубокоуважаемого академика на столь антиноминалистически звучащий пассаж.

То, что методология естественных наук в XX веке — еще со времен логического эмпиризма — насквозь пронизана номинализмом, общеизвестно. В этом случае универсалии в науке интерпретируются, по выражению Е. Е. Ледникова, всего лишь «как удобная манера речи»¹⁴. Видимо, это же имеет в виду А. А. Гусейнов, употребляя выражение «фигуральный смысл».

Для изгнания теоретических терминов из научной методологии в середине прошлого века даже была предложена сложнейшая процедура Рамсей-элиминации, сводившая общее к совокупности единичных случаев. Но Рамсей-элиминация не эффективна даже в естественных науках, за исключением очень простых случаев. Что касается случаев сложных, то обратимся к примеру Рамсей-элиминации, проводившейся лет за 400 до Рамсея в сфере гуманитарной, да к тому же художественной. Имеется в виду пример из творчества великого представителя Северного Возрождения Питера Брейгеля-старшего. Речь идет о его графических листах «Пороков и Добродетелей». Если аллегории французских раннеготических соборов (церковь и синагога, семь разумных и семь неразумных дев) пытаются явить добродетели и пороки в их чистом, сущностном виде, лишенные акциденции, под которой понимается их конкретное жизненное проявление, то перед нами концептуалистическая трактовка данной темы. В свою очередь в графических листах «Пороки» (1556–1557) и «Добродетели» (1559–1560) каждый из пороков и, соответственно, добродетелей показан в виде большого количества конкретных примеров. Вот, например, графический лист «Гнев» (*Ira*). На листе множество разных людей и монстров в многообразных проявлениях гнева и ярости. Это и ярость войны, и гнев, обращенный к самому себе в виде существа, впивающегося в собственную руку; есть сцена, на которой в котле, подвешенном над костром, мужчина и женщина не замечают, что вода уже готова закипеть, поскольку захвачены самозабвенной яростью любовной

¹² Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / авт.-сост. А. П. Алексеев [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1993. С. 170.

¹³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в СПбГУП / СПбГУП. СПб., 1996. С. 35–36.

¹⁴ Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев, 1973. С. 50.

страсти. Это и есть номинализм в формулировке У. Оккама как «целостная единичная направленность», как «высказывающаяся о многом — не о себе самой, но о самих вещах».

Но, допустим, в отношении графического листа «Лень» (*Desideria*) все ясно. Перед нами множество проявлений человеческой лени вплоть до крайних, когда на черепице крыши дома сами по себе жарятся блины, но человеку лень протянуть за ними руку из окна. А как быть с графическим листом «Вера» (*Fides*)? Он композиционно поделен на три части. Если в отношении центральной из них все понятно (женская фигура, символизирующая веру, стоит на раскрытом саркофаге), то, взглядевшись в лица людей, собравшихся на мессу, недоумеваешь — при чем здесь вера? Их лица вульгарны, нет ни малейшего оттенка благочестия. Полное невнимание к проповеди: один зевает, другой дремлет, женщина ухмыляется.

Казалось бы, все ясно — художник изобразил свое отношение к мессе, но концептуально перед нами проблема. Если мы разбиваем общее на некую совокупность его единичных проявлений, то где гарантия, что перед нами та самая совокупность, а не другая? В листе «Вера» наряду с проявлениями веры имеет место полнейшее безверие.

То есть, если вернуться к тому, о чем пишет Д. С. Лихачев, но рассматривать культуру не как целостность, а как множество единичных ее проявлений в реальной жизни, то что гарантирует различение культуры и антикультуры? Как единичные объекты, и те и другие (объекты культуры и антикультуры) подчас неразличимы. Пример последних — особняки «новых русских» по периметру охранной зоны Древнего Новгорода. Каждый из особняков внешне вполне симпатичен и вроде ничему не мешает, но вся застройка в целом разрушительно антикультурна. Впрочем, примеры такого рода можно приводить до бесконечности.

Смысл философско-методологической позиции академика Д. С. Лихачева, думается, состоит в следующем. Математизированное естествознание XX века обнаруживает ощутимый крен в сторону номинализма. Номинализм в науке XX века пытался проложить путь, обратный тому, по которому шло естествознание XIX века, точнее, второй его половины. Как писал Б. С. Грязнов: «Если классический интуитивизм ставил перед собой задачу выработать такой логический аппарат, который позволял бы надежными способами выводить общее утверждение науки (законы) из единичных утверждений об эмпирической действительности, то неопозитивизм, имея в руках развитый аппарат логико-дедуктивных систем, стремился свести общее утверждение к единичным»¹⁵.

Именно **недостатки позитивистской научной методологии и почувствовал Д. С. Лихачев**. Культура — живое, развивающееся явление, его невозможно инвентаризировать в принципе, повесив на каждый объект, как на музейный экспонат, бирку с номером, да и невозможно предвидеть характер развития культуры.

Но как целостная система культура способна отделить себя от своей противоположности — антикультуры и бескультурия. Это блестяще показано академиком Лихачевым в работе «Экология культуры»¹⁶. Он объяснил, что **культура держится на внутренней связи элементов целого** и, что в данном случае принципиально, ведет себя как организм. Отличие организма от механизма состоит в том, что в первом случае целое больше, а во втором — равно сумме его частей. И потому **изучение культуры и, в первую очередь, гуманитарной культуры может потребовать методологии, отличной от методологии естественных наук**. Как пишет известный американский философ П. Стросон: «Философия естественных наук еще не вся философия»¹⁷.

Напрашивается вывод о **малоизученном способе сохранения гомеостатического равновесия в методологии современной науки**. Номиналистический крен, видимо,

¹⁵ Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1971. С. 147.

¹⁶ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 330–347.

¹⁷ Strawson P. Individuals // Philosophical problems today. Dordrecht, 1994. Vol. V. № 1. P. 28.

следует, и это понял Д. С. Лихачев, компенсировать подчеркнутым концептуализмом методологии гуманитарных наук, и если кому-то отмеченный выше акцент на универсалиях в названиях его работ кажется несколько излишним, то надо вслед за академиком научиться видеть и опасность противоположной крайности. «Не перегибешь — не выпрямишь», — как говаривал когда-то Мао Цзэ-Дун. Впрочем, рассуждая в духе модной ныне деконструкции, можно допустить, что это было сказано значительно раньше.

Не претендуя на всесторонний анализ философской составляющей взглядов Д. С. Лихачева, приведу лишь еще одно высказывание об ученом из рассмотренной ранее статьи Р. Милнер-Гулланда: «В основе его работ по текстологии лежит не придиричивая формалистическая педантичность, а глубокий философский интерес к природе и значимости текста... В своей работе “Эстетическая оценка и текстологическое исследование” он противопоставляет — без предпочтения — “статичность” эстетического подхода к тексту и “динамичность” исторического подхода. Подобное противопоставление статики и динамики проходит через все его работы на культурно-исторические темы, придавая им устойчиво диалектический характер: не кажется ли вам весьма интересным наблюдать, как он пытается через эту диалектику пересмотреть “древний спор” между философией и поэзией, который Платон считал столь увлекательным? Во всяком случае, мне представляется, что он является самым значительным из постгегелианских мыслителей и историков, в котором глубокое стремление понять движущие силы прошлых столетий сочетается с живым оптимизмом и, может быть, неожиданной верой в возможность культурного прогресса»¹⁸. Слова зарубежного исследователя побуждают к размышлению о неисполненном долге отечественных гуманитарных наук по освоению научного наследия Дмитрия Сергеевича во всей его многогранности и глубине.

То, что Д. С. Лихачев не причислял себя к философам, не должно мешать нам снова и снова вчитываться в его работы. Думается, при всей внешней простоте изложения философские размышления Лихачева содержат немало недопонятого и недооцененного современниками.

¹⁸ *Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 150.*